

Преодоление условностей, объективно присущих драматическому искусству, для Пушкина и Грибоедова совершалось в направлении к полному, глубокому реализму. И хотя этот процесс происходил у каждого писателя по-своему, единым был «диапазон» стремлений, как удачно выразился Вяземский; пути их пересекались. «Истинное должно быть однообразно: в верном выражении чувства, в сличении видимого с желаемым, в отголоске ощущений и понятий, построенных событиями, должен быть у возвышенных людей одного времени один общий диапазон, как в инструментах различных, но одинаковой доброты и в руках художников разного искусства...». Так писал Вяземский в статье «Сонеты Мицкевича» (1827 г.), определяя главное в литературном направлении, которым шли «возвышенные люди» его века, среди них — Пушкин и Грибоедов: «...одна из характеристических примет романтизма: освобождаясь от некоторых условных правил, он покоряется потребностям»⁴⁴.

Л. Н. Летагин

(Псков)

ПУШКИН И «АРХИВНЫЕ ЮНОШИ»

В 1828 г. редакция «Московского вестника» помещает в своем журнале строфы VII (московской) главы «Евгения Онегина». Публикация, которая вызвала неудовольствие Пушкина из-за «обиды» опечатками «сирот-стишонков», была по своему существу проявлением заинтересованного внимания поэта к молодому журналу. Сотрудничество Пушкина в «Московском вестнике» было недолгим, но плодотворным: за 3 года поэт помещает в журнале около трех десятков своих произведений, здесь были впервые опубликованы отрывки «Бориса Годунова», «Графа Нулина». Это оправдывает провозглашенное издателями «исключительное участие» Пушкина в «Московском вестнике»; интересующие нас строфы VII главы — не первый и не единственный «лоскуток «Онегина» ему на шапку».

«Архивны юноши», впервые явленные читателю в московских строфах, — не случайная деталь. С избранной частью «юношей», членами «Общества любомудрия», Пушкин знако-

⁴⁴ Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. — Т. 2. — С. 126.

мится осенью 1826 г. Для вернувшегося из ссылки поэта это была примета новой московской жизни, в которую ему суждено было окунуться и которая его увлекла.

Определенные личные интересы и надежды Пушкин в 1826 г. связывает с молодыми московскими литераторами. Судьба нового журнала, их совместного начинания, решилась в два месяца. Интерес был взаимным, сближение не было случайным. Начальная история журнала, успешная, быстрая и неожиданная, вызвала вполне объяснимое недоумение многих современников. «...Демократия, с которой связался Пушкин, едва ли что-нибудь путное сделает», — писал В. А. Жуковский П. А. Вяземскому в декабре 1826 г., т. е. еще до выхода первого номера «Московского вестника»¹. Это начальное предубеждение в форме более резкой проявилось и в высказанном много позднее мнении К. Полевого, брата издателя «Московского телеграфа» и журнального конкурента Любомудров: «Этот сердечный союз устроился слишком проворно; и сближение Пушкина в важном литературном предприятии с молодыми людьми, еще ничем не доказавшими дарования, казалось еще изумительнее, когда во главе их являлся г. Погодин...»².

Внутренняя история издания Любомудров не воспринимается как «центральная» проблема пушкиноведения, но еще и сегодня она остается одной из нерешенных. «На одно из первых мест, — отмечает В. Э. Вацуро, — выдвигается изучение взаимоотношений Пушкина с «Московским вестником» и кругом литераторов, объединенных вокруг журнала... Сюда включается обширный комплекс проблем, касающихся идейной биографии Пушкина, его философских и эстетических взглядов; наконец, истории критической оценки его творчества»³.

Интерес к Любомудрам сегодня закономерен: их философско-эстетические установки имели важное значение в истории нашей культуры. В идеях, которые развивались членами этого узкого философского кружка, проявились интересы лучшей части целого поколения, наиболее полно отразилась передовая мысль времени.

¹ Литературное наследство. — М.: Наука, 1952. — Т. 58. — С. 59—60.

² Полевой К. А. Записки. — СПб., 1888. — С. 201.

³ Пушкин и общественно-литературное движение в период последекабрьской реакции//Пушкин. Итоги и проблемы изучения. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 213.

«Общество», в которое входили Д. Веневитинов, В. Одоевский, И. Киреевский, А. Кошелев и Н. Рожалин, за недолгий период своего существования (1823—1825 гг.) способствовало развитию и определило становление многих идейных и литературных исканий последующих лет. Само название, которое избрали для себя члены кружка, в современном литературоведении и исторической науке понимается более широко: им определяется направление в общественном сознании России конца 20-х — 30-х гг.

Направление это, оппозиционное по роду своих интересов, со всей полнотой проявилось уже после формального роспуска московского кружка. Оппозиционность любомудров имела более общественный, чем политический характер (не исключаяющий, правда, и откровенного юношеского фрондерства⁴). В определенной степени оппозиционным можно считать сам характер их интересов. В эпоху, наступившую после восстания декабристов и отличающуюся, по определению А. Ф. Кони, «высокомерной терпимостью лишь к самым слабым и односторонним проблескам мысли»⁵, философская и литературно-эстетическая позиция любомудров воспринимается как явление исключительное.

Несомненно, что литературные и идейные искания Пушкина после 1825 г., в этот переломный период его творчества, во многом определяются московскими впечатлениями, в том числе — общением с литературной молодежью. Эволюция отношений Пушкина к любомудрам не имеет однозначной оценки. Однако можно утверждать, что характер этих отношений (и в период совместного издания «Московского вестника», и позднее, в 1830-е гг.) определяется, по-видимому, особым вниманием поэта к глубине исканий представителей нового направления. «Больше всего вызывали симпатии у Пушкина серьезные интересы любомудров, их стремление к знаниям, их способность и умение добывать эти знания»⁶.

В борьбе с «предприимчивыми и смысленными литературными откупщиками» (прежде всего Булгариным и Гречем), имевшей не только литературный, но и общественный харак-

⁴ Показательны в этом отношении многие страницы «Записок» А. И. Кошелева (практически единственного мемуарного памятника, оставленного непосредственным членом «Общества любомудрия»).

⁵ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8-ми т. — М.: Юридическая литература, 1968. — Т. 6. — С. 84.

⁶ Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. — М.: Наука, 1981 — С. 106—107.

тер, Пушкин находит в любомудрах и единомышленников, и достойное противопоставление. «Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина», — писал он в письме издателю «Московского вестника» М. П. Погодину⁷.

Молодая московская критика, по определению поэта, «с честью отличается от петербургской». Не случайно, что после успеха критических разборов второй части «Фауста», выполненных С. П. Шевыревым, похвалами «Германского Патриарха» Пушкин «дразнит» именно «северных шмелей»⁸. Не принимая во многом отвлеченную программу любознудров, А. С. Пушкин, однако, первым отметит общественное значение этого явления: «Их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно»⁹.

Уже для современников понятие «любомудры» несло на себе значение общественной отличительности. Противостоящая официально Петербургу среда московской жизни формировала совершенно особый уклад умственной деятельности. Именно в древней столице, где всегда были наиболее ощутимы оппозиционные настроения, «весьма подозрительный круг» избранной молодежи становится характерной особенностью.

«Архив, — отметит позднее в своих «Записках» А. И. Кошелев, — прослыл сборищем «блестящей» московской молодежи, и звание «архивного юноши» сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попали в стихи... А. С. Пушкина»¹⁰.

«Впоследствии» — это необыкновенно скоро. В творческих планах поэта замысел новой главы рождается, возможно, еще в столице или сразу после отъезда из нее («Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ю главу «Онегина», я проигрываю в шtos четвертую: не забавно», — писал Пушкин П. А. Вяземскому в декабре 1826 г.¹¹

Показательно, что творческая история VII главы начинается именно с московских строф, которые в окончательной редакции ее завершают. Обращение к публикации этих строф

⁷ Пушкин А. С. Переписка: В двух томах. — М.: Художественная литература, 1982. — Т. 11. — С. 375.

⁸ «Я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие... с мнением Гете», — писал Пушкин Погодину. (Пушкин. Переписка. — Т. 11. — С. 375—376.)

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 6. — С. 126.

¹⁰ Кошелев А. И. Записки. — Berlin, 1884. — С. 11.

¹¹ Пушкин А. С. Переписка. — Т. 1. — С. 256.

позволяет проследить предысторию сложной судьбы всей главы и ее нелегкой критической оценки в контексте эволюции отношений Пушкина с кружком московских литераторов.

VII глава «Евгения Онегина» — важное идейное звено между михайловскими и болдинскими главами романа — отличается наибольшей художественной свободой. В работе над нею Пушкин ощущает исключительное право «опускать...обязательные для прозаического произведения связи и мотивировки, смешивать временные и повествовательные планы, допускать больше стилевой и художественной игры, уходить от событийной линии сюжета и, по желанию и внутренней потребности, снова возвращаться к ней»¹².

Быт и нравы вполне конкретного периода жизни московского общества, отличающиеся в VII главе необыкновенной цельностью и точностью воспроизведения, — отражение разновременных впечатлений поэта. Картины московской жизни интересны с точки зрения воплощения в них непосредственных московских впечатлений Пушкина 1826 г. Однако важным будет признать, что о характере этих впечатлений мы не можем судить с достаточной полнотой. «Менее известно, — писал в конце прошлого века Л. Н. Майков, — как подействовало на самого Пушкина знакомство с московским обществом, которое до тех пор было ему мало известно, т. к. он не видел Москвы с отроческих лет... Тем не менее можно догадываться, что новые московские знакомства не вполне удовлетворили его»¹³.

Сразу же после возвращения из древней столицы в Михайловское Пушкин напишет Вяземскому: «Москва оставила во мне неприятное впечатление»¹⁴. Это единственное прямое свидетельство Пушкина, позволившее Л. Н. Майкову сделать свой вывод, имеет не менее существенное продолжение; уже поэтому к оценке его нельзя подходить однозначно: «Все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться. К тому же журнал...».

В письме Вяземскому Пушкин высказывает сожаление по поводу их несостоявшегося сотрудничества в «Московском

¹² Майков Л. Н. Указ. соч. — С. 158—159.

¹³ Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. — СПб., 1899. — С. 333.

¹⁴ Пушкин А. С. Переписка. — Т. 1. — С. 254.

Вестнике»¹⁵. Этим настроением и определяется во многом тон его послания. Кроме этого, письмо Вяземскому — письмо в Москву, из которой поэт только что вырвался...

Письмо Н. М. Языкову в провинциальный университетский Дерпт, написанное в тот же день, заканчивается примечательно: «...О Москве напишу Вам много»¹⁶. Само это указание предполагает более положительную оценку московских впечатлений поэтом, что находит подтверждение и в хорошо известных мемуарных свидетельствах современников¹⁷. Если в целом московская обстановка, торжества, связанные с коронацией Николая I, которые поэт застаёт, как и всеобщее внимание к Пушкину, пришедшая слава, «наслаждения самолюбия, рассеянности и пр.» были утомительны, со всем этим рождается желание активной деятельности. Пушкин полон надежд. Одна из них — журнал.

* * *

Без существенных оговорок можно было бы поставить знак равенства между «архивными юношами» и кругом лиц, принимавших участие в издании «Московского вестника». Однако практически во всех комментариях к «Евгению Онегину» и в обширной литературе о романе «архивны юноши», как правило, «привязаны» только к Архиву министерства иностранных дел; «Московский вестник» и его внутренняя история остаются в стороне, не учитываются. Сами «юноши», таким образом, воспринимаются только как реалии более ранней, преддекабрьской эпохи. Это имеет под собою определенные основания. С конца 1826 г. уже не в Москве, а в Петербурге служат В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелев, Д. В. Веневитинов, В. П. Титов.. Кроме того, по «календарю» романа встреча Татьяны с «архивными юношами» происходит зимою

¹⁵ Вяземский остался верен «Московскому телеграфу», однако сожаление о несбывшейся возможности объединить дружеские литературные усилия, упреки в связи с этим были обоюдными: «Досадно, что мы не соединены с Пушкиным и Баратынским, — жаловался Вяземский А. И. Тургеневу. — Да с Пушкиным никак не сговоришься, да и к тому он ничего не делает. Он запоем впился в московскую жизнь, влюблен, истаскался и только...» (Литературное наследство. — Т. 58. — С. 64).

¹⁶ Пушкин и А. С. Переписка. — Т. 11. — С. 192.

¹⁷ «Прием от Москвы Пушкину — одна из замечательнейших страниц его биографии», — писал С. П. Шевырев в 1841 г. (Москвитянин, 1841. — Ч. 1. — Кн. 2. — С. 522).

1821—1822 гг., т. е. на пять лет раньше реальной встречи с ними самого автора.

«Известно, что Пушкин собирался в конце 1820-х гг. перенести действие романа в последекабрьские годы и по-прежнему следовать за своими героями, оставаясь их современником. При аналитическом комментарии в окончательном тексте романа обнаруживаются некоторые реалии новой исторической эпохи. И все же действие романа уже в болдинской редакции 1830 г. (в составе девяти глав) обрывалось весной 1825 г. Тем самым фабула хронологически отставала от сюжета: автор оценивал события уже из будущего, обогащенный новым историческим опытом»¹⁸.

«Архивны юноши», несомненно, — «реалия новой исторической эпохи», они остаются одной из современных периоду написания седьмой главы примет московской жизни. Таким образом, и сама их оценка — оценка «из будущего».

Н. О. Лернер одним из первых рассматривает пушкинскую характеристику «юношей» в соотнесении с внутренней историей «Московского вестника»: «Признавая благотворное значение последователей германской философии, Пушкин отметил, что «говорили они языком, мало понятным для непосвященных»... В «Онегине» поэт не отделил архивных юношей от всего пустого большого света; они не разделяют с автором его симпатии к Тане, на которую «чопорно глядят и про нее между собою неблагосклонно говорят»... «Московскому вестнику» он ставил в минус его излишнюю серьезность»¹⁹.

Рассмотрение оценки «юношей» в контексте отношений поэта к редакционной политике журнала имеет у Н. О. Лернера, бесспорно, верные основания, однако в целом с его выводом нельзя согласиться. Повод для этого дает обращение к пушкинским черновикам.

В интересующей нас строфе Пушкин намечает не одну, а несколько линий развития образа, и черновые рукописи сохраняют различные редакции ее начала:

¹⁸ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. — Л.: Наука, 1986. — С. 193.

¹⁹ Лернер Н. О. Пушкин в Москве после ссылки. // Пушкин А. С. Собр. соч. изд. С. А. Венгерова/Библиотека великих писателей/. — СПб., 1909. — С. 343.

(ЧЕРНОВИК)

Архивны юноши толпою
На Таню издали глядят,
О милой деве меж собою
Они с восторгом говорят²⁰.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят²¹.

В сознании поэта сосуществуют, таким образом, противоположные оценки: и восторженность, и чрезмерная сухость, строгость, изначально в равной степени могли бы характеризовать «архивных юношей»... Вариативность черновика и неоднозначность белой рукописи, однако, не противоречат друг другу. В окончательном авторском решении образа в данном случае можно видеть не только поиск наиболее верной его характеристики. При рассмотрении смены авторского решения существенным здесь оказывается не столько текстологический аспект, сколько аспект исторический, биографический²².

Непосредственно перед началом работы над московскими строфами, в марте 1827 г., Пушкин снова в Москве, вновь в кругу издателей «Московского вестника». Именно в это время, после выхода двух первых номеров журнала, особенно важным становится вопрос о редакционной политике, о дальнейшей судьбе издания. Именно тогда о своем отношении к «немецкой метафизике» он много говорил в кругу Любоумров (о чем свидетельствуют дневники Погодина), об этом же он тогда однозначно высказывается в известном письме к Дельвигу²³.

Оценка современниками первых номеров журнала в целом не была благоприятной. За исключением нескольких положительных откликов отношение большинства читающей публики было близким, созвучным с мнением, высказанным Д. В. Дашковым: «...Прочитав сказанное в «Московском вестнике», я ощутил одно чувство: неудовольствия, видя, как дети су-

²⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. — М., 1937. — Т. 6. — С. 457. Ср.: «Ее находят идеальной», «Они находят идеальной»./Там же, с. 458).

²¹ Публикация в «Московском вестнике» (1828 г., № 1) и последующие.

²² Вопрос в том, что определяет смену авторских решений Пушкина, что за этим стоит, не может быть решен однозначно, это предполагает рассмотрение каждого конкретного случая в различных контекстах. См.: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. — М.: Советский писатель, 1981. — С. 141.

²³ «...Время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают». Письмо от 2 марта 1827 г. (Пушкин. Переписка. — Т. 1. — С. 399).

дят и рядят обо всем с полной уверенностью в своей безошибочности и с надутостью поседелого Профессора»²⁴.

Попытка Любомудров придать новому журналу общественно-философский, научный характер с самого начала встретила всеобщее предубеждение. Это не могло не тревожить Пушкина. В его отрицательном личном отношении к «метафизике» именно неуспех «Московского вестника» мог сыграть определяющую роль. Глубина эстетических исканий Любомудров, ставшая основой их дружеского общения и обратившая на себя внимание поэта, была привлекательна и возможна только в их узком кругу. Однако чистая философская теория, далекая от читательских интересов и вкусов, несовместимая с мнением большинства, была преждевременна в журнальном издании.

«Можно думать, — пишет В. Э. Вацуро, — что впечатления от общения с Любомудрами отражались и преломлялись в целом ряде произведений Пушкина, в частности посвященных проблемам искусства и философии»²⁵. Седьмая глава — пример такого преломления, пример не единственный, но важный и интересный тем, что это отклик непосредственный.

Со времени знакомства Пушкина с Любомудрами до публикации строф еще не законченной VII главы прошло немногим более года. Это был первый год совместного издания журнала, и именно тогда многое должно было определиться в характере отношений поэта с кругом молодых московских литераторов.

* * *

Черновики Пушкина имеют особую, свою художественную ценность; каждая деталь в них неслучайна, творчески оправдана и является частью определенной художественной системы. Отказ от той или иной характеристики — это не просто переосмысление заданной изначально системы, а отказ от нее в целом.

Сопоставление различных авторских редакций XLIX строфы позволяет заметить, от чего в дальнейшем отказывается поэт в характеристике «юношей». Появившийся в черновиках пушкинский неологизм «архивны франты» особенно обращает на себя внимание²⁶. Привычная форма полушутливо-

²⁴ Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. — Пг., 1922. — С. 51.

²⁵ Вацуро В. Э. // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. — С. 216.

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. — Т. 6. — С. 457.

го наименования осложняется здесь дополнительным смыслом: франт — «человек, отличающийся изысканностью в одежде, манерах, поведении, приверженец и законодатель мод»²⁷.

В раскрытии образа юношей Пушкин намеренно избегает всего внешнего; вместе с «архивными франтами» исчезают и появившиеся первоначально «внешние мелочи» («В лорнеты юноши толпою...»). Точнее, эти детали перемещаются в соседние L и LI строфы:

Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков...
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет...

Характеристика «юношей» в белой рукописи исключает вещественные детали, их облик уже не связан с каким-либо внешним атрибутом, он лаконичен и сдержан. В этом обнаруживается определенное противостояние всему наносному лоску и пустому франтовству. И сама «чопорность» становится проявлением не внешней, а внутренней жизни.

«Архивны юноши» открывают собою новую строфу, герои которой (в отличие от строф соседних) представлены более индивидуально, «поименно». Упоминание конкретных жизненных деталей в романе Пушкина имеет целью не только создание более полной картины московского дворянского быта; это упоминание ориентировано не только на широкого читателя, но имеет в виду и конкретного «адресата». При таком обращении к «адресату» существенно изменяется и авторская оценка, она становится более личной, предполагает ответный отклик. Не случайно для П. А. Вяземского факт дружеского указания на него в тексте «Евгения Онегина» — начало непосредственное и живое (в целом ему, как и многим современникам, изображение Москвы показалось холодным и неярким: «В «Московском вестнике» есть Москвы описание Пушкина, не совсем озаменованное талантом его. Как-то вяло и холодно, хотя, разумеется, есть много и милого. Он, шут, и меня туда ввернул...»²⁸).

Чопорность как черта «юношей» — скорее личный упрек, чем «объективная» сторонняя оценка. Неблагосклонность и сдержанность их по отношению к Татьяне для автора объяс-

²⁷ Словарь языка Пушкина. — М., 1961. — Т. IV. — С. 794.

²⁸ Письмо В. Ф. Вяземской от 23 января 1828 г. (Литературное наследство. — Т. 58. — С. 52).

нима и прощительна, как и позиция другого героя: не «разглядел», не заметил Татьяны и поэт Ленский²⁹. Чопорность «юношей» — следствие иных причин, но это не пустое жеманство. В их поведении нет ничего от равнодушия и насмешливости «московских франтов и цирцей». Они полны внутренней жизни и у Пушкина противостоят основной части дворянской молодежи. Само понятие «архивный юноша» для поэта не столько собирательное, сколько отличительное, этот избранный круг — своеобразная «достопримечательность». Присутствие их всегда заметно, оно обращает на себя внимание.

Многое в умственной жизни Москвы конца 20-х гг., как и позднее, подвергалось «преследованию без всякого разбора»³⁰. Тайный надзор и система сыска именно здесь приобретали особое значение. Свой особый взгляд имело правительство и на московскую журналистику: «Москва, удаленная от центра политики и министерств и не будучи подвержена непосредственному надзору в нравственном отношении, может наделать много зла газетами, ибо пока здесь хватятся за статью, — она уже разойдется по России»³¹. С официальной точки зрения многое не могло быть прощительным в позиции Любомудров. Подозрительным было само существование их единого круга. «Московский вестник» и молодые литераторы, причастные к его изданию, обращают на себя пристальное внимание. «Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом. Атаманы — князь Вяземский и Полевой, а приятели: Титов, Шевырев, Рожалин и другие москвичи», — доносил один из агентов Бенкендорфу³². При всей странности смещения имен представителей двух противоборствующих журнальных партий, соседство Вяземского и «архивных юношей» знаменательно: это наиболее серьезные представители московской оппозиции. Подобное сближение закономерно.

Эти же два журнальных полюса Москвы сближает и «уравнивает» XLIX строфа как интеллектуальное начало жизни древней столицы. «Почти каждая строфа в пушкинском романе, — отмечает Е. А. Маймин, — содержит в себе свою те-

²⁹ Благой Д. Д. не случайно сближает «пылкий и восторженный романтизм Ленского» и «многочисленных русских романтиков — идеалистов того времени, типа Любомудров, или так называемых московских «архивных юношей». (В кн.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. — М.: Художественная литература, 1975. — Т. IV. — С. 452).

³⁰ Бартенева П. И. Русский архив, 1894. — Кн. 1. — С. 219.

³¹ Модзалевский Б. Л. Указ. соч. — С. 46.

³² Русская старина, 1903. — Т. 63. — С. 262.

му и потенциально способна ее завершить... Единая схема строфы, повторяющаяся на протяжении всего романа,.. одинаковый ее облик и структура сами в себе уже несут идею единства. Разнообразные темы и картины объединяются между собой не только общим замыслом, но и формально»³³.

Московская дворянская среда в романе — сложное и неоднозначное, развивающееся в пределах произведения понятие. XLIX и соседствующие с нею XLVIII, L и LI строфы подчеркнута противостоят друг другу. Одна из реалий этого противостояния — архивное юношество, столь отличное по своим занятиям и эстетическим, научным интересам от вкусов салонной Москвы, — закономерно сопоставлена с П. А. Вяземским.

В свободно-ироническом контексте романа «весьма почетное звание» (Кошелев) в значительной степени трансформируется. Это уже не просто полушутливое прозвище, которым С. А. Соболевский определяет круг своих ближайших знакомых. В контексте строфы «архивны юноши» выявляют свое внутреннее противоречие: «Пушкина, разумеется, забавляло сочетание двух слогов, друг с другом не особенно вяжущихся. ...С архивом связано ведь представление о старости и затхлости, а вовсе не юности и свежести. «Архивный юноша» — это какая-то *contradictio in adjecto*»³⁴. Сам факт упоминания — это уже не просто милая авторская шутка, как принимает ее в отношении себя Вяземский.

Не юношеский характер «юношей» имеет прямое отношение к судьбе «Московского вестника», молодого журнала, претендующего на академизм. Помещенная в издании любовно-мудров пушкинская характеристика — своеобразное дружеское предостережение (сама строфа представляет собою «зеркальное» отражение строк хорошо известного пушкинского послания:

Смешон и ветренный старик,
Смешон и юноша степенный...).

Это продолжение той полемики, которую Пушкин ведет в переписке с редактором журнала М. П. Погодиным: «Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными...»³⁵. Отговаривая Погодина от издания «Урании»

³³ Маймин Е. А. Указ. соч. — С. 172—173.

³⁴ Лернер Н. О. Пушкинологические этюды // Звенья. — Сб. V. — М.; Л., 1935. — С. 89.

³⁵ Пушкин А. С. Переписка. — Т. 11. — С. 369.

в 1828 г., ратуя за сохранение литературных сил и самого журнала, поэт обещает «на будущий год... безусловно деятельно участвовать в его издании...».

Публикации московских строф в журнале предшествуют те же эпиграфы (Дмитриев — Баратынский — Грибоедов), которым впоследствии суждено будет открывать всю главу. Это позволяет сделать вывод о том, что уже в период работы над этими строфами замысел всей главы в целом определился.

Отрывок «Москва» открывает собою журнал в новом году, когда предполагалось существенное пересмотрение редакционной политики «Московского вестника» (в том числе и по требованию самого Пушкина). Именно поэтому публикация московских строф приобретает программное значение.

Н. В. Цветкова

(Псков)

СТРАХОВ О ПУШКИНЕ

Н. Страхов, Ап. Григорьев и братья Достоевские принадлежат к тому направлению русской критики, которое носит название почвенничество. Его основы впервые возникают в «органической критике» Ап. Григорьева в конце 50-х годов, а затем развиваются в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», где почвенничество оформляется как направление. Но и с «кончиной» журналов в середине 60-х годов идеи почвеннической критики и самого почвенничества продолжают жить в романах и «Дневнике писателя» Ф. Достоевского, его выступлениях в «Гражданине», особенно в статьях Н. Страхова, который надолго пережил своих единомышленников (Достоевского на 15 лет, Ап. Григорьева — более чем на 30).

Любимой в почвенничестве была мысль нравственная, о чем Достоевский не устал повторять: «Мы вносим новую мысль о полной народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала»¹. И еще добавлял как учитель и проповедник: «Мы прямо говорили

¹ Достоевский Ф. Искания и размышления. — М.: Советская Россия, 1983, — С. 141.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

*Межвузовский сборник научных
трудов*

ВОЛОГДА

1989